

ПЕРЕДОВЫЕ БОИ ПРИ ОБОРОНѢ.

Вопросъ объ оборонѣ вообще является въ наше время однимъ изъ самыхъ жгучихъ. Древнія истины о преимуществахъ наступленія еще разъ были подтверждены послѣдней маньчжурской войной. Оказалось, что мы поплатились за свою приверженность къ «оборонѣ». И вотъ въ литературѣ мы, послѣ войны, переходимъ въ рѣшительное «наступленіе» не только противъ обороны, какъ образа дѣйствій, но и противъ самаго термина, старательно воскрешая терминъ «выжидательный бой». Конечно, желательно, чтобы съ терминомъ воскресла бы и была проведена въ жизнь и идея, вложенная въ него — а именно — *стремленіе къ рѣшенію*, жажда развязки. Надѣясь на это, все же невольно вспоминаешь то мѣсто германской тактики Балка, гдѣ онъ говоритъ: русскіе уставы до войны были проникнуты наступательнымъ духомъ; однако, въ теченіе войны русскія войска этого духа не проявили. Подмѣчено это очень тонко. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ намъ не твердили на школьной скамьѣ про «подлую» оборону, развѣ въ нашихъ полевомъ уставѣ не было сказано, что оборонительный бой, какъ и наступательный, имѣетъ цѣлью «разбить» противника (ст. 94 «Наставленія»)?

Думается, что такая невязка произошла отъ несоответственной постановки тѣхъ войсковыхъ занятій, которыя должны были воспитать въ войскахъ наступательный духъ. Отъ образа веденія занятій складываются у начальниковъ опредѣленные, привычныя, чисто механическіе — взгляды. Приговыванье маневрирующихъ сторонъ къ «позиціямъ», готовые рѣшенія и господство оборонительныхъ шаблоновъ, какъ болѣе доступныхъ, — все вѣдь это было въ мирное время. Какое же было основаніе ожидать, что въ военное — добрыя начала, рекомендуемая полемымъ уставомъ, оживуть и получать примѣненіе? Привычка остается привычкой, а «духъ» устава оказывается фразой¹⁾.

Теперь мы склонны изгнать самое понятіе объ оборонѣ. Вопросъ — какъ это сдѣлать?.. Въ дѣйствительности обстановка заставить прибѣгать къ этому способу дѣйствій. При этомъ — не только къ активной оборонѣ, но и къ строго *пассивной*. Не нужно доказывать, что искусство наступленія достигается не одностороннимъ, предвзятымъ его примѣненіемъ, а такимъ умѣлымъ сочетаніемъ обоихъ способовъ дѣйствій, при которомъ обстановка оказывается всегда использованной къ выгодѣ атаки и къ обезпеченію рѣшенія. Лишь бы отдѣльные оборонительные эпизоды были поставлены сознательно на свое мѣсто, согласовались бы дѣйствительно съ требованіями минуты и не заслоняли стремленія къ окончательной развязкѣ.

Сочетаніе наступленія съ обороной неизбежно. Трудно не наступленіе само по себѣ, а именно искусство этого сочетанія. Разъ это такъ — ему надо учить.

Едва ли можно назвать удачнымъ педагогическимъ приемомъ упорное замалчиваніе обороны (французскій приемъ прививки наступательныхъ идей). Все равно при столкновеніи съ настоящею жизнью — не маневренной, а боевой — секретъ фокуса, подготовленнаго теоретиками наступленія и построенаго на самообманѣ, откроется.

Думается, что болѣе жизненными окажутся приемы обученія, въ которыхъ оборонѣ — активной и пассивной — будетъ трезво отведено принадлежащее ей мѣсто, и которые опредѣлятъ частные случаи взаимныхъ отношеній наступленія и обороны.

¹⁾ Припомнимъ случай, когда баталіонный командиръ, получивъ въ бою приказаніе атаковать въ известномъ направленіи, спросилъ: «А гдѣ же будетъ моя колонна?»

Сдѣлать это можно только однимъ способомъ: обратиться отъ изученія природы обороны *вообще*, т. е. отъ области давно исчерпанной, къ изученію *частныхъ случаевъ* ее примѣненія и къ изслѣдованію отдѣльныхъ вопросовъ, возникающихъ при этомъ.

Несомнѣнно, что результатомъ такой работы явится прочное установленіе извѣстныхъ тактическихъ взглядовъ на пользование обороной и на искусство веденія оборонительнаго боя. Взгляды эти должны быть выражены въ уставахъ и наставленіяхъ вполне опредѣленно. Въ нихъ мы вправѣ искать не только нѣкоторую единую руководящую идею, но и указанія чисто приближенного характера, подсказывающія пути, которыми эта идея можетъ быть достигнута.

Преслѣдуя конечныя активныя цѣли, оборона должна знать средства для перехода отъ выжиданія къ рѣшенію и должна отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что вредитъ этому переходу.

Съ этой точки зрѣнія въ высокой степени важно правильное толкованіе вопроса о *передовомъ бою при оборонѣ*. Оборонительныя дѣйствія въ громадномъ большинствѣ случаевъ начинаются съ передоваго боя — въ той или другой формѣ. Опредѣленнаго взгляда на значеніе именно *формы* передоваго боя, на отношеніе ея къ проповѣдываемому нами элементу *активности* мы не встрѣчаемъ ни въ нашей литературѣ, ни — какъ будетъ указано ниже — въ нашемъ «Наставленіи для боя».

Между тѣмъ эта форма тѣсно связана съ началомъ активности.

Цѣль настоящаго очерка — указать на эту связь и затронуть, хотя бы въ бѣглыхъ штрихахъ, одинъ изъ тѣхъ частныхъ вопросовъ обороны, который ждетъ еще у насъ своего изслѣдователя.

Обороняющійся, выбравъ мѣстный рубежъ для расположенія своихъ главныхъ силъ, выдвигаетъ впередъ части съ задачами: *разведки, охраненія, вытѣрива времени*.

Передовыя части могутъ быть выдвинуты на такое разстояніе отъ главной позиціи, при которомъ поддержка ихъ съ нея — огневая и маневренная — оказывается невозможной. Въ этомъ случаѣ передовыя войска предоставляются своимъ силамъ.

При задачахъ *разведки* и *охраненія* это явленіе обыкновенное. Начальникъ, высылающій впередъ отряды для выполненія двухъ указанныхъ задачъ, не можетъ часто предусмотрѣть ни пунктовъ, гдѣ, по условіямъ обстановки, передовыя части вступятъ въ бой,

ни продолжительности его, ни характера. Возможно, что это будетъ рядъ мелкихъ боевъ. Но возможенъ случай, когда передовыя части окажутъ болѣе объединенное усиліе, не только по внутреннему содержанию, но и по вѣдѣности, для исполненія возложенной задачи. Это не мѣняетъ смысла боевъ: исходъ ихъ интересенъ постольку, поскольку они способствовали *добыть стѣпной* (развѣдка) или удержанію между противникомъ и нашими главными силами той *завѣсы*, которая препятствуетъ развѣдкѣ неприятеля и обезпечиваетъ готовность главныхъ силъ (охраненіе). Понятно, что охраняющія части попутно рѣшаютъ задачу и выигрываютъ время.

Для развѣдки и охраненія выдвигаются — конница и относительно малые отряды (команды пѣхотныхъ развѣдчиковъ, сторожевые отряды).

Однако, кромѣ этихъ обычныхъ мѣръ, прибѣгаютъ къ высылкѣ вполне самостоятельныхъ по силѣ и составу отрядовъ къ извѣстнымъ мѣстнымъ рубежамъ съ цѣлью преградить на время определенннй путь наступленія противника. Такіе отряды представляютъ собою *авангарды*. Соответственно своей силѣ они получаютъ и болѣе широкую задачу, обнимающую и развѣдку, и охраненіе, и выигрывать время, послѣднее — часто какъ нѣчто самостоятельное.

Назначеніе авангардовъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда они, что называется, «не сидятъ» на главной позиціи; поэтому удаленіе ихъ отъ главныхъ силъ всегда будетъ исключать возможность дѣйствительной огневой поддержки съ главной позиціи; останется поддержка маневренная; но послѣдняя неумѣстна, если хотятъ сохранить за авангардомъ вспомогательную роль и не собираются переносить на него тяжесть обороны.

Такимъ образомъ, бой этихъ отрядовъ (авангардовъ), какъ одно изъ средствъ выполнить поставленную имъ самостоятельную задачу, характеризуется тѣмъ же условіемъ, что и бой мелкихъ развѣдывающихъ, охраняющихъ и задерживающихъ частей: *отсутствіемъ расчета на поддержку изъ главныхъ силъ*.

Другое дѣло передовой бой, ведущійся за естественныя мѣстныя или искусственно созданныя точки, лишь нѣсколько выдвинутыя по отношенію къ оси главной позиціи. Эти точки, находясь въ полосѣ рубежа, выбраннаго для боя главныхъ силъ, будутъ, въ общемъ, совпадать съ направленіемъ позиціи, но по своему выдвинутому впередъ положенію, примутъ на себя естественно первый ударъ неприятеля. Занятіе такихъ пунктовъ должно быть

включено въ планъ обороны главной позиціи. Части, ихъ занимающія, не только могутъ, но *должны разсчитывать на огневую и маневренную поддержку съ главной позиціи*; этого мало: самое удаленіе передовыхъ пунктовъ обуславливается дѣйствительностью поддержки изъ главныхъ силъ.

Если поддержка можетъ быть осуществлена въ полной мѣрѣ, то гарнизоны передовыхъ точекъ должны получить такую же задачу, какъ остальные войска главныхъ силъ, т. е. задачу *упорной обороны*. И, слѣдовательно, бой этихъ выдвинутыхъ впередъ частей будетъ рѣзко отличаться по своему характеру отъ боя тѣхъ передовыхъ отрядовъ, которые не могутъ и не должны — по задачѣ и по разстояніямъ — разсчитывать на поддержку изъ глубины.

Итакъ, поставленная задача и условія *боевой связи* между главными силами и передовыми частями опредѣляютъ характеръ передового боя, т. е. главнымъ образомъ — степень его упорства.

Нашъ уставъ не останавливается на этой зависимости, не придавая ей, повидимому, особаго значенія. Между тѣмъ это есть та исходная точка зрѣнія, которая позволяетъ разобраться въ частныхъ случаяхъ дѣйствій передовыхъ частей. Наконецъ, та же точка зрѣнія служитъ основаніемъ для сужденія — насколько характеръ передового боя отражается на проведеніи въ жизнь при оборонѣ активнаго, рѣшительнаго начала.

Пржде, чѣмъ переходить къ послѣднему вопросу, рассмотримъ, что говорить о передовомъ боѣ наше «Наставленіе для боя»¹⁾.

«Передовыя части при оборонѣ должны заставить противника развернуться и обнаружить силы его и направленіе движенія»...

Очевидно, что эта задача — *развѣдка*.

«...Задержать его наступленіе...»

Другими словами — задача временной обороны, *выигрывать время*.

«...Оборонять передовыя пункты позиціи».

Это уже *безусловная* оборона, требующая *упорнаго боя*.

Въ одной статьѣ сведены, такимъ образомъ, три задачи, имѣющія между собою мало общаго по способу выполненія. При этомъ вопросъ о связи передовыхъ пунктовъ позиціи съ остальными ея точками оставленъ открытымъ. Дальнѣйшее его развитіе въ статьяхъ «Наставленія» крайне бѣдно. А именно находимъ еще слѣдующія указанія:

¹⁾ §§ 69, 96, 101 и 135 «наставленія».

... При оборонѣ слѣдуетъ *«заблаговременно занимать передовые пункты позиціи»*, (т. е. иначе, чѣмъ пункты, составляющіе нѣкоторую основную позицію)...

... Въ диспозиціи указывается *«Занятіе, если надо, передовыхъ пунктовъ и направленіе, въ которомъ отходятъ войска, ихъ занимающія»*.

Эти статьи, какъ кажется, не только не способствуютъ созданію представленія о томъ, что такое оборона передовыхъ пунктовъ, но до нѣкоторой степени вносятъ смущеніе. Изъ нихъ выходитъ, что передовые пункты составляютъ какъ бы отдѣльную позицію, на которой войска дерутся до извѣстнаго предѣла (съ какою цѣлью, въ такомъ случаѣ?), а затѣмъ *обязательно* отходить назадъ—къ основной позиціи...

Вотъ буквально все, что мы находимъ въ уставѣ о боевыхъ дѣйствіяхъ передовыхъ частей при оборонѣ. Изъ приведенныхъ положеній, лишь вскользь упоминающихъ объ этихъ дѣйствіяхъ, весьма трудно сдѣлать выводъ о нашемъ взглядѣ на мѣсто и значеніе при оборонѣ передового боя, тѣмъ болѣе—на технику его веденія. Попыткіе о послѣдней можно было бы имѣть только въ томъ случаѣ, если бы въ уставѣ была проведена черта между передовой обороной съ цѣлью *разведки и выигрыва времени*, когда не ждутъ поддержки отъ главныхъ силъ, и съ цѣлью *упорнаго удержанія извѣстнаго рубежа*, когда такая поддержка должна быть. Разъяснилась бы и разница между дальними передовыми позиціями и пунктами и ближними,—сливающимися по задачѣ, благодаря дѣйствительности взаимной поддержки, съ остальными точками такъ называемой «главной позиціи». При современной редакціи «Наставленія» понятія эти смѣшаны.

Между тѣмъ на дѣйствіяхъ передовыхъ частей при оборонѣ слѣдуетъ останавливаться съ такимъ же вниманіемъ, какъ это сдѣлано и дѣлается относительно наступленія. При наступленіи ошибочное употребленіе передовыхъ войскъ можетъ быть исправлено легче, чѣмъ при оборонѣ, такъ какъ наступленіе—это сплошное движеніе, маневръ, построенный на непрерывной поддержкѣ изъ глубины. При оборонѣ же условія поддержки изъ главныхъ силъ строго ограаничиваются, чтобы не ослабить эти послѣднія и не перемѣстить центр тяжести боя на линію передовыхъ частей.

Если обороняющійся имѣетъ въ виду закончить бой рѣшеніемъ, т. е. въ свою очередь нанести ударъ противнику, то онъ долженъ, приведеніемъ въ исполненіе опредѣленнаго общаго плана, *сложити*

обстановку въ свою пользу и во что бы то ни стало помѣшать противнику разстроить этотъ общій планъ. Едва ли не единственнымъ средствомъ къ тому служатъ передовыя части, отъ которыхъ требуется тѣмъ большее искусство дѣйствій, чѣмъ болѣе онѣ представлены своимъ собственнымъ силами.

Такимъ образомъ, отъ нихъ въ значительной степени будетъ зависѣть сохраненіе въ цѣлости *общаго плана* обороны, иначе—сохраненіе оборонительнаго почина дѣйствій. Безъ этого—активная оборона невозможна.

Замѣчательнымъ примѣромъ сохраненія во все время боя оборонительнаго почина является Полтавское сраженіе. Не смотря на то, что мы только что отпраздновали двухсотлѣтіе этого примѣра, сущность дѣла остается свѣжею до сихъ поръ.

Въ самомъ дѣлѣ: Карлъ XII первый переходитъ въ наступленіе, другими словами—захватываетъ инициативу; но вотъ завязывается передовой бой; съ нашей стороны въ немъ участвуютъ всего 2 бат. изъ 61-го и конница, со стороны шведовъ,—почти вся армія; слѣдя за перепетіями передового боя, вы видите, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, инициатива дѣйствій *отбирается отъ шведовъ*; буквально *Карлъ XII дѣлаетъ именно то, чего хочетъ Петръ*; шведамъ не удается разстроить общій планъ Петра ни въ одной его части; даже первый успѣхъ шведовъ—прорывъ черезъ редуты—входилъ въ планъ обороны, какъ одна изъ главныхъ даныхъ, подготавливающихъ *рѣшеніе*.

Образцовый розыгрышъ передового боя, прочная внутренняя связь его съ общимъ планомъ способствуютъ тому, что починъ дѣйствій съ момента *зааяжки боя* переходитъ къ оборонѣ, и Петръ до самаго конца сраженія сохраняетъ его въ своихъ рукахъ.

Я еще вернусь къ вопросу—въ чемъ именно состояло *искусство веденія передового боя* подъ Полтавой.

Пока же я считаю возможнымъ высказать слѣдующее положеніе.

Если мы хотимъ научиться обороняться *активно*, то мы должны прежде всего изучить образцы—положительные и отрицательные—передовыхъ боевъ при оборонѣ, постараться уяснить мѣсто ихъ въ разныхъ частныхъ случаяхъ и установить общія основанія употребленія передовыхъ войскъ. Значеніе искусства употребленія ихъ въ проведеніи активной оборонительнаго плана таково, что зачастую участь этого плана рѣшается задолго до столкновенія главныхъ силъ.

Недостаточно установить *принципы* активности. Необходимо работать дальше, чтобы определить—как принцип может быть проведенъ въ жизнь.

Въ настоящемъ очеркѣ я не буду касаться дѣйствій конницы и мелкихъ передовыхъ частей, получающихъ относительно узкія задачи развѣдки или охраненія, задачи, согласованныя съ силой и составомъ высланныхъ частей, исполнѣ опредѣляющія и характеръ боевого ихъ употребленія.

Меня интересуетъ вопросъ о боѣ при оборонѣ авангарда. Сговорится по поводу дѣйствій такого самостоятельнаго передового отряда изъ трехъ родовъ войскъ несравненно труднѣе.

Пока дѣло идетъ о стратегическомъ значеніи авангардовъ—разногласія нѣтъ. Польза авангарда, какъ средства опредѣлить направленіе, въ которомъ наступающій подводитъ свои главныя силы къ полю сраженія, очевидна.

Но какъ только вопросъ вступаетъ въ область тактики, въ частности—*боя*, голоса раздѣляются. Насколько говорятъ полезенъ вообще бой авангарда, приводящій къ самостоятельной борьбѣ на такъ называемой «передовой» позиціи? Насколько принятіе такого боя и степень его упорства отражается на общемъ планѣ дѣйствій обороняющагося? Наконецъ, прибавлю я,—въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся при этомъ—передовой бой и то активное начало, которое мы утверждаемъ въ тактикѣ?

Германцы и австрійцы—противъ авангардныхъ боевъ при оборонѣ; первые отрицаютъ пользу ихъ рѣшительно, вторые—осторожнѣе. «Русско-французская» школа признаетъ эти бои. Нашъ уставъ, какъ было указано выше, даетъ безхарактерное рѣшеніе этого вопроса; болѣе опредѣленный взглядъ можно найти въ учебникахъ тактики; насъ учатъ, что передовой бой отряда трехъ родовъ войскъ можетъ быть полезенъ не только для выигрыша времени, но и съ цѣлью *развѣдки*. Занятіе передовой позиціи и бой на ней предлагаются какъ средства заставить развернуться наступающаго и тѣмъ обнаружить свои силы и даже намѣренія.

Что касается *исключительно* выигрыша времени, то выгоду системы передовыхъ боевъ, задерживающихъ наступленіе непріятели, отрицать невозможно. На первый взглядъ кажется, что и относительно развѣдки не можетъ быть сомнѣнія: бой—самое могущественное средство развѣдки; самостоятельность отряда (аван-

гарда) позволяетъ вести его рѣшительнѣе, а слѣдовательно рѣшительнѣе добывать свѣдѣнія.

Однако, какъ разъ въ *самостоятельности* авангарда и востанетъ одна изъ причинъ, почему вопросъ о передовомъ боѣ авангарда оказывается не столь простымъ.

Возможность возложить на отрядъ самостоятельную задачу влечетъ обыкновенно къ искушенію задать ему больше, чѣмъ онъ можетъ и долженъ выполнить. Къ *развѣдкѣ* и *охраненію*—естественнымъ задачамъ авангардовъ—присоединяютъ задачу *выигрыша времени*, часто въ такой формѣ, что она заслоняетъ первыя. Такая постановка цѣлей приводитъ къ тому, что роль авангарда расширяется; въ главныхъ силахъ отъ него ждутъ не только свѣдѣній (развѣдка) и обезпеченія готовности (охраненіе), но и помощи болѣе рѣшительной, рисующей въ видѣ потрясенія непріятели, пагубнаго ему тяжкихъ потерь, и, наконецъ, даже въ видѣ разстройства его плана.

Вотъ этотъ путь нельзя не признать съвользкимъ.

Онъ ведетъ къ самой завязкѣ оборонительнаго боя (на линіи передовыхъ частей) къ распаденію его на двѣ части. Еще до боя появляются *два* позиціи: *главная* и *передовая*. Еще до боя, особенно если время терпитъ, возникаетъ исполнѣ естественный споръ о томъ—которая важнѣе и которую, поэтому, слѣдуетъ оборонять упорно. Такимъ образомъ, по духу оборона разлагается до появленія противника: уже нѣтъ *устойчивой* идеи.

Далѣе. Начинается бой на передовой позиціи. Распывчатое заданіе авангарду не позволяетъ во время поставить точку. Выводъ войскъ изъ боя въ хорошей арміи вообще есть вопросъ крайне деликатный, прежде всего вопросъ чести и самолюбія начальника. Въ результатѣ—получается бой не *на* позиціи, а упорная борьба *за* передовую позицію, за обладаніе ею.

Всѣ остальные явленія извѣстны. Выпужденный, въ концѣ концовъ, отходъ подъ давленіемъ превосходныхъ силъ, опасеніе за путь отступленія, часто—разстройство, и всегда—упадокъ духа, заставляющій объяснять, что это было «не пораженіе», а только «неосторожно затянувшійся передовой бой».

Между тѣмъ наступающій начинаетъ «главный» бой *съ предшествованія*, т. е. съ самой выгодной для себя обстановки.

При подобномъ злоупотребленіи самостоятельностью передового отряда, обороняющійся разыгрываетъ *два* боя; дѣлать войска и задачу; на авангардъ перекладывается отвѣтственность за при-

ведение въ исполненіе плана обороны въ такой мѣрѣ, что передовой отрядъ принимаетъ, въ сущности, непосредственное участіе въ рѣшеніи.

Упрощеніе задачи авангарда ставить его въ болѣе опредѣленные и легкія условія; уничтожится разброска въ преслѣдованіи цѣлей. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя невыгодныя явленія, чисто *психологическаго* порядка, присущія бою самостоятельнаго отряда, трудно устранимы.

Представьте себѣ начальника авангарда, получившаго только одну задачу: «заставить противника развернуться и тѣмъ обнаружить его силы и направленіе движенія» (слова устава).

Какъ опредѣлить ту степень осведомленности, которая будетъ признана достаточной?.. Когда прекратить развѣдочный бой съ полнымъ сознаніемъ, что задача выполнена? Пожалуй, такого сознанія начальникъ не получитъ никогда. Какъ слѣдствіе — «неосторожная» затяжка боя...

По сравненію съ типомъ передового боя, преслѣдующаго одновременно нѣсколько цѣлей, разница будетъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ окажется виноватымъ старшій начальникъ, не сумѣвшій точно очертить задачу авангарда, а во второмъ — самъ начальникъ послѣдняго, не сумѣвшій «осторожно» выполнить задачу.

Интересно, въ какой мѣрѣ бой авангарда при оборонѣ способствуетъ выясненію обстановки. Въ этомъ отношеніи мы склонны придавать преувеличенное значеніе «преждевременному развертыванію» противника.

Еще не такъ давно достаточно было выдвинуть передовой отрядъ на 3 версты, чтобы онъ уже оказалъ внѣ огневой поддержки съ главной позиціи; но для *маневрированій* наступающаго разстояніе это было короткимъ, и онъ, встрѣтивъ сопротивленіе на передовой позиціи и начавъ развертываніе, не имѣлъ возможности круто мѣнять свою группировку при дальнѣйшемъ подходѣ къ главнымъ силамъ обороняющагося. Тогда дѣйствительно могли быть случаи, что боевой порядокъ наступающаго обозначался уже при завязкѣ боя — на линіи передовой позиціи, если такая занималась.

Вѣрность этого положенія рисуется еще рельефнѣе, если взять болѣе отдаленныя времена — эпохи гладкаго оружія и линейныхъ порядковъ. Рубежъ, занятый въ одной верстѣ отъ главныхъ силъ, уже былъ «передовой позиціей» внѣ *огневой* поддержки. Но маневрированіе наступающаго могло быть наблюдаемо съ главной позиціи, какъ на ладони. Къ тому же формы развертыванія требовав-

шія липкости и сомкнутости, съ одной стороны легко обнаруживали силы непріятеля, а съ другой — до крайности затрудняли перемѣну направленія разъ нацѣлѣннаго боевого порядка.

При современномъ оружіи и современныхъ порядкахъ разстоянія широко раздвинулись — по фронту и въ глубину. Маневрированіе цѣлыхъ армій на плацъ-парадной площадкѣ кажется сказкой. Теперь, чтобы разорвать вѣрную огневую связь между двумя отрядами, ихъ нужно удалить другъ отъ друга верстъ на 8. Маневрированіе наступающаго, при подходѣ къ полю сраженія, прикрывается цѣлою еѣтью мелкихъ развѣдывательныхъ и охраняющихъ частей, поддерживаемыхъ авангардами. Глубина этой передовой зоны представляетъ достаточное обезпеченіе для скрытія маневра главныхъ силъ.

Если предположить, что силы обороняющагося и наступающаго одинаковы и такой случай, что авангарды ихъ (перваго — на мѣстѣ, второго — въ движеніи) удалены отъ главныхъ силъ на одно и то же разстояніе, то съ минуты завязки боя на передовой позиціи это положеніе перестанетъ быть *равнымъ* для обѣихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что передовой отрядъ обороны, по существу задачи, не можетъ рассчитывать на поддержку изъ главныхъ силъ; удаленіе его отъ нихъ, пока онъ привязанъ къ позиціи, остается тѣмъ же; наоборотъ, главные силы наступающаго продолжаютъ движеніе, приближаясь со своимъ авангардомъ; такимъ образомъ, во время передового боя наступающій имѣетъ возможность, хотя бы частичнымъ усиленіемъ своего авангарда изъ главныхъ силъ, обезпечить себѣ превосходство силъ надъ отрядомъ, обороняющимъ передовую позицію.

Надъ этой игрой разстояній и условій взаимной поддержки стоять очень и очень подумать.

Группировка, которую наступающій приметъ при атакѣ передовой позиціи, можетъ быть кореннымъ образомъ измѣнена при подходѣ къ главнымъ силамъ обороняющагося. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда передовой отрядъ обороняющагося сумѣетъ уйти своевременно, группировка, которую обнаружитъ передовой бой, будетъ — авангардная.

Приковавъ вниманіе обороны къ этой частной группировкѣ, наступающій открыто, изъ глубины, совершитъ главными силами маневръ, который такъ и останется неизвѣстнымъ до послѣдней минуты. Если же оборона «передовой позиціи» перешла въ *упорную*, — а это трудно предупредить даже и при узкой постановкѣ

цѣлей, — то искусный наступающій дѣйствительно покажетъ — болѣе чѣмъ авангардную группировку: въ его прямыхъ интересахъ развить бой, придержать противника и сосредоточить возможное превосходство силъ — съ тѣмъ, чтобы нанести завязшему въ бою передовому отряду, лишенному поддержки, *отдальное поражение*.

Провести въ бою черту — за которой кончаются задачи боевой *развѣдки* и начинается упорная *оборона* — невозможно. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, стоитъ только вспомнить всю нашу минувшую войну 1904—5 гг. Это было сплошное увязаніе въ передовыхъ бояхъ, часто имѣвшихъ цѣлью одну развѣдку; въ результатѣ — разстройство нашихъ авангардовъ и наступленіе затѣмъ противника на плечахъ частей, потерявшихъ свою боевую силу.

Что же дала эти бои въ смыслѣ развѣдки? Казалось бы, все было, какъ и требуется нашей теоріей: противникъ преждевременно разворачивался, обнаруживалъ свои силы и пр., а между тѣмъ въ рѣшительномъ бою на такъ называемой «главной позиціи» мы продолжали гадать за противника, — не зная единственно важнаго, что интересно знать, что должно лечь въ основу контръ-маневра: *направленія, въ которомъ заносится ударъ*. Когда же худо ли, хорошо ли задуманный контръ-маневръ приводился, наконецъ, въ исполненіе, то истощенныя въ непрерывныхъ бояхъ и связанныхъ съ ними отступленіяхъ войска отказывали, и не могли дать того стремленія впередъ и напряженія, которыя отъ нихъ требовались (Ляодзь).

Итакъ, въ смыслѣ развѣдки достигались результаты, которыми не удалось воспользоваться при веденіи главнаго боя. Разстройство же частей предварительными мелкими боями болѣзненно давало себя знать.

До сихъ поръ во всѣхъ учебникахъ приводится образецъ передового развѣдочнаго боя, ставшаго классическимъ: Шевардино 24-го августа 1812 года. Одно то, что примѣръ этотъ стоитъ одиноко, показываетъ, что опереться на положительные примѣры подобныхъ боевъ было не такъ легко.

Что такое представляетъ, однако, и этотъ приводимый всюду примѣръ.

Чтобы логически прослѣдить ходъ и смыслъ этого боя, нужно допустить, что Шевардинскій редутъ былъ *сознательно* занятъ съ

цѣлью *развѣдки*, а не случайно обратился въ такой развѣдочный пунктъ ¹⁾.

Поэтому для упрощенія положимъ въ основу слова учебника, находящагося у меня подъ рукой: «*Для раскрытія направленія, въ которомъ наступала главная масса французскихъ войскъ, Бутузовъ выслалъ на передовую позицію у Шевардина 11-ти тыс. отрядъ подъ начальствомъ Князя Горчакова*».

Происходить, какъ извѣстно, слѣдующее. Три пѣх. дивизіи корпуса Даву и 2 кавалерійскихъ корпуса, при содѣйствіи корпуса Понятовскаго, атакуютъ на правомъ берегу Колочи пашу Шевардинскую позицію. Съ 2-хъ часовъ поѣсно охраненіе и слабыя передовыя части, а съ 5-ти часовъ начинается бой за самую передовую позицію. У французовъ явное превосходство силъ (тройное). Они охватываютъ Шевардинскій отрядъ съ фронта и обоеихъ фланговъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ, *имѣющій только развѣдывательную задачу, принимаетъ бой*. Завязывается упорная борьба за обладаніе редутомъ. Онъ нѣсколько разъ переходитъ изъ рукъ въ руки и въ 8-ми часамъ вечера остается за французами.

Казалось бы, теперь уже цѣль была достигнута, а наступавшая темнота обезпечивала хотя и не совсѣмъ «своевременный», но все же еще не очень запоздалый отходъ развѣдочнаго передового отряда.

Но на поле сраженія прибываетъ князь Багратионъ, самъ командующій арміей, и лично приводитъ въ подкрѣпленіе двѣ дивизіи, снявъ ихъ съ участка главной позиціи, — Семеновской высоты. Съ этого момента и до поздней ночи тамъ не оставалось ни одного солдата. На «передовой же» позиціи, не считая кавалеріи, введенъ весь VIII корпусъ и 27-я дивизія.

Контръ-атака, веденная лично командующимъ арміей, возвращаетъ намъ Шевардинскій редутъ. Затѣмъ снова завязывается горячій бой за передовую позицію, уже въ полной темнотѣ. Бой этотъ продолжается съ переменнымъ успѣхомъ до 11 часовъ вечера. Между тѣмъ нашъ лѣвый флангъ обойденъ частями корпуса Понятовскаго, который угрожаетъ пути отступленія уже не слабому передовому отряду, а больше чѣмъ половинѣ войскъ всего лѣваго крыла, находившагося подъ начальствомъ Багратиона (на главной

¹⁾ Постройка сомкнутаго укрѣпленія, обуславливающаго упорную оборону, не говоритъ въ пользу сознательнаго занятія Шевардинской позиціи для развѣдки. Тѣмъ болѣе, что главная позиція (Семеновская высота) была укрѣплена кое-какъ и не имѣла ни одной опорной точки.

позиціи оставались войска только у высоты Расвскаго—корпуса: VII и одинъ кавалерійскій).

При такомъ положеніи, *все же понадобилось приказаніе Кутузова, чтобы вывести эти войска изъ передоваго боя.* Не послѣдуй это приказаніе—неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло.

Итоги боя: онъ выяснилъ не болѣе того, что дала бы обыкновенная развѣдка на правомъ берегу р. Колочи, что далъ бы тотъ же Шевардинскій отрядъ, если бы онъ выполнялъ свою задачу—какъ развѣдывательную. Медкія стычки на извѣстномъ фронтѣ обнаружилъ бы ширину этого фронта, упорное подвиганіе противника впередъ—силу и значеніе этого движенія.

Главный выводъ, который насъ интересовалъ—на лѣвомъ или на правомъ берегу Колочи произойдетъ сосредоточеніе главныхъ силъ Наполеона. Неужели для этого общаго вывода необходимо былъ шестичасовой бой за обладаніе передовой позиціей, поддержка передоваго отряда изъ главныхъ силъ и прибытіе на поле сраженія самого командующаго частной арміей для личнаго руководства боемъ.

Потери отряда доходили до 20%. Какъ пригодились бы эти проценты въ бою 26-го числа!..

Приказаніе Кутузова и августовская ночь вывели отрядъ изъ той обстановки, въ которую онъ попалъ вслѣдствіе обращенія *развѣдки въ упорную оборону*, обстановки, которая могла привести къ еще болѣе горькимъ процентамъ.

Ночью разстроеныя боемъ войска Баграціона собираются на главной позиціи, а 25-го днемъ они устраиваются: часть—занимаетъ Семеновскія флеши, часть—образуетъ резервъ.

Въ это же время изъ общаго резерва на крайній лѣвый флангъ переводится корпусъ Тучкова I.

Это послѣднее распоряженіе—единственно новое и существенно важное, внесенное Шевардинскимъ боемъ. Остальная группировка, на взглядъ теперешняго спокойнаго наблюдателя—уже *явно* ошибочная послѣ 24-го числа—*не измѣняется.* Лишнее подтвержденіе того, какъ трудно обороняющемуся предпринять рѣшительный контръ-маневръ и сломать свою группировку даже послѣ того, какъ добыты свѣдѣнія несомнѣнной ясности. Видимо, дѣло не въ подробностяхъ свѣдѣній.

Между тѣмъ Наполеонъ давалъ намъ время. Цѣлый день 25-го числа онъ употребилъ на подтягиваніе своихъ главныхъ силъ и расположеніе ихъ въ виду Бородинской позиціи. Каждый разъ

когда Наполеонъ готовился къ генеральному сраженію, по необходимости онъ принужденъ былъ терять сутки на сосредоточеніе.

Такъ было подъ Витебскомъ, подъ Смоленскомъ. Объясняется это условіями подготовки удара того времени: дистанціи огня были такъ малы, время огневой подготовки такъ коротко, что нельзя было рассчитывать на своевременное сосредоточеніе и развертываніе главныхъ силъ, если бы оно производилось подъ прикрытіемъ авангарднаго боя, прямо съ похода. Приходилось раньше подтягивать хвосты, а затѣмъ уже начинать огневую подготовку.

Итакъ—Шевардинскій бой показалъ направленіе, въ которомъ слѣдовало ожидать главной атаки; Наполеонъ же своимъ бездѣйствіемъ 25-го числа позволялъ намъ принять все мѣры для контръ-маневра.

Въ какой степени мы этимъ воспользовались—это вопросъ другой. Для моей мысли важнѣе установить: что же собственно въ этомъ отношеніи было существеннѣе? Передовой бой 24-го или предоставленная намъ свобода дѣйствій 25-го?

Если бы послѣ Шевардинскаго боя французы преслѣдовали нашъ отрядъ, а 25-го атаковали Семеновскія флеши тѣми войсками, какія къ тому времени собрались противъ этого участка позиціи, то, думается, положеніе наше было бы несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ бою 26-го августа. Времени для устройства войскъ на Семеновскихъ высотахъ не хватило бы, могло бы не хватить его и на перемѣну группировки.

При современныхъ же условіяхъ, когда вступленіе въ бой прямо съ похода является явленіемъ обычнымъ, дѣло, подобное Шевардинскому, легло бы въ основу наступленія противника и это послѣднее *началось бы съ преслѣдованія*, т. е. съ лучшаго, что можетъ желать для себя атакующій.

Слѣдовательно результатами Шевардинскаго боя, какъ развѣдываго, мы имѣли возможность воспользоваться главнымъ образомъ потому, что по окончаніи дѣла 24-го *выиграли около полутора сутокъ.*

Выиграли этотъ даль намъ не передовой бой, а противникъ.

Такимъ образомъ, когда хотятъ представить передовой бой за Шевардинскій редутъ, какъ положительный образецъ *развѣдывательнаго* боя, и притомъ *предназначеннаго*, а не случайнаго, упускаютъ изъ виду, что бой этотъ перешагнулъ за задачи развѣдки, какъ говорится, съ мѣста же; что перейдя въ *упорную оборону* передовой позиціи, притянувъ къ ней все силы Семеновскаго

участка главной позиции, онъ грозилъ обратиться противъ насъ же, — не сложилъ благоприятно дальнѣйшая обстановка, не случилъ перерыва 25-го числа.

Шевардинскій бой, по общепринятой верси, является примѣромъ того, какъ трудно даже при узкой постановкѣ цѣли (только развѣдка) *своевременно* прекратить бой. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ всѣ типичныя черты вообще авангарднаго передового боя при оборонѣ.

Дѣйствительнымъ образцомъ розыгрыша передового боя является бой на линіи редутовъ въ сраженіи подъ Полтавой 27-го іюня 1709 г. Примѣръ этотъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что къ передовымъ войскамъ (2 бат. пѣхоты и 23 коныхъ полка) были предъявлены широкія требованія. Задачей ихъ была не одна развѣдка; они должны были *разстроить* шведовъ.

Не буду повторять ходъ и послѣдствія боя, память котораго такъ недавно праздновалась. Какъ извѣстно, бой на передовой позиціи достигъ въ совершенствѣ поставленной цѣли. Для оцѣнки этого боя нужно принимать во вниманіе, разумѣется, цѣлый рядъ частностей, обезпечившихъ его успѣхъ: дефиле; флажковое положеніе главныхъ силъ, позволившее передовому отряду отойти *не на главныя силы*; условія разстояній и боевыхъ порядковъ того времени.

Въ чемъ же заключалось искусство веденія самого передового боя?

Въ общихъ чертахъ, дѣло было такъ. Шведы овладѣли двумя редутами изъ числа выдвинутыхъ впередъ, и были отбиты отъ другихъ двухъ. Бой у этихъ редутовъ занялъ около часу. Главныя силы русскихъ за это время успѣли приготовиться къ бою. *Петръ считалъ задачу передовыхъ войскъ уже выполненной*, и послалъ вв. Меншикову приказаніе объ отступленіи.

Но Меншиковъ, который остановилъ порывъ противника, по понятнымъ психологическимъ причинамъ, уклонился отъ исполненія приказанія Царя: *онъ уже мечталъ здѣсь же, у передовыхъ редутовъ, разбить шведовъ*. Сообщая объ этомъ Петру, онъ просить *подкрѣпленія*.

Мы узнаемъ характерное явленіе передового боя: постепенное превращеніе его въ рѣшительный.

Упорный бой на линіи редутовъ продолжался, и притомъ съ успѣхомъ. Петру отправляютъ многочисленные побѣдные трофеи. *Тѣмъ не менѣе Царь шлетъ новое приказаніе Меншикову отойти къ главнымъ силамъ*.

Между тѣмъ Меншиковъ, увлеченный побѣдой, потерялъ чутье обстановки и понятіе о значеніи собственно передового боя до того, что рѣшается еще разъ ослушаться Государя.

Наконецъ, Царь принужденъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ даетъ Меншикову особое порученіе, ставитъ его во главѣ отряда, направлепаго противъ колонны Росса; въ начальствованіе конницей вступаетъ естественный замѣститель Меншикова — Боуръ. Только тогда передовой отрядъ начинаетъ отступленіе.

Такимъ образомъ Петру удается сохранить цѣльность задуманнаго плана и помѣшать перемѣщенію центра тяжести обороны на передовую позицію, къ чему вели распоряженія Меншикова.

При этомъ необходимо подчеркнуть, что заслуга искуснаго окончанія передового боя принадлежитъ *всему* Петру, который *по условіямъ разстояній* могъ лично и непрерывно слѣдить за ходомъ дѣлъ у редутовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наши дни такая обстановка повториться не можетъ, и старшему начальнику придется въ эпацитольной степени положиться на чутье и искусство начальника авангарда. Современный Меншиковъ, предоставленный въ подобномъ случаѣ своимъ силамъ, легко привелъ бы передовой отрядъ отъ первоначальнаго успѣха къ отдѣльному пораженію.

Еще рѣче свойства передового боя, вынесеннаго за предѣлы поддержки съ главной позиціи, выступаютъ тогда, когда удаленіе авангарда отъ главныхъ силъ настолько велико, что, въ случаѣ нужды, оказывается невозможной и маневренная поддержка. Тутъ можно рекомендовать не только осторожность при веденіи боя, но прямо *уклоненіе* отъ него.

Примѣромъ можетъ служить оставленіе передовой позиціи авангардомъ арміи Куроки въ сентябрѣ 1904 года во время нашего Шахѣйскаго наступленія. Бригада генерала Умесавы была выдвинута къ с. Бабьяпуза на 2 перехода впередъ относительно главныхъ силъ первой японской арміи. Какъ только опредѣлилось наступленіе русской арміи, оторванное положеніе Умесавы сдѣлалось тревожнымъ. Возникалъ вопросъ: поддержать этотъ слабый отрядъ (что было весьма трудно) или послать ему приказаніе объ отступленіи. Между тѣмъ 24-го сентября Умесава уже вошелъ въ соприкосновеніе съ явно превосходными силами противника. Намѣталось окруженіе. Что касается насъ, то, по существовавшимъ взглядамъ, мы не допускали мысли, что японцы отдадутъ «сильную» Бабьюпузовскую «позицію» безъ боя. Къ предстоявшей ей

атакъ мы готовились цѣлый мѣсяць, производя частями своихъ авангардовъ постоянныя развѣдки позиціи. Но Умесавъ получилъ уже 24-го сентября определенное указаніе. Въ то время, когда мы подкрадывались къ японской позиціи кошачьими шагами, предвкупая столь важный для насъ первый успѣхъ, Умесавъ ускользнулъ въ ночь на 25-е, *не вызвавъ ни одного выстрѣла*. Въмѣсто японцевъ мы нашли на позиціи брошенные ими окопы.

Это распоряженіе Куроки было вполнѣ *активнымъ* рѣшеніемъ. Все, что могла дать развѣдка, уже было дано: направленіе движенія русскихъ опредѣлилось. Надо было собрать войска для контръ-маневра, притомъ такъ, чтобы не растрепать ихъ предварительно ненужными мелкими боями, — тѣмъ болѣе такими, которые сопряжены съ отступленіемъ подъ натискомъ противника.

Въ этомъ отношеніи японскіе начальники были воспитаны одинаково. Мысль Куроки нашла откликъ въ послѣдовавшемъ затѣмъ приказѣ Ойямы:

«Армія должны по возможности *стараться сосредоточить свои силы* на своихъ позиціяхъ и быть готовыми къ контръ-атакъ, какъ только представится удобный случай»¹⁾.

Японскій главнокомандующій не терпѣлся въ неполныхъ еще свѣдѣніяхъ о противникѣ, не требовалъ подробностей отъ войскъ, а *схвативъ обстановку въ общемъ*, въ крупныхъ чертахъ, нашель въ ней уже свое главное рѣшеніе.

Какое же вліяніе оказываетъ оборона авангардами «передовыхъ позицій» на сохраненіе обороняющимся способности къ активнымъ дѣйствіямъ, къ постепенному розыгрышу боя въ свою пользу и, наконецъ, къ переходу къ рѣшенію.

Ясно, что именно искусныя боевыя дѣйствія передовыхъ частей обезпечиваютъ приведеніе въ исполненіе общаго плана обороняющагося. Но въ чемъ должно заключаться *искусство нашихъ дней* — вопросъ другой.

Полтава, ярко подтверждая *общую* идею, не можетъ, понятно, служить теперь образцомъ техники веденія передового боя. Если двѣсти лѣтъ тому назадъ отрядъ, выдвинутый по отношенію къ главнымъ силамъ на нѣсколько сотъ саженой, уже оказывался «передовымъ» и могъ сражаться самостоятельно, то при современныхъ условіяхъ для этого потребуются нѣсколько верстъ. Если нѣкогда было достаточно занять позицію шириною въ одну версту, чтобы преградить путь наступленія арміи, равной по силѣ нашему кор-

¹⁾ Гамилътовъ, часть 2-я, стр. 155.

пусу, и сковать волю наступающаго, то теперь для той же цѣли понадобится фронтъ въ 10—15 разъ болѣе (это самое скромное). Въ эпоху сосредоточеннаго маневрированія возможно было совмѣстить въ одной передовой позиціи тактическія свойства со стратегическими настолько, что наступающій не могъ обойти позицію. Въ настоящее время занятіе передовой позиціи рѣшаютъ лишь одну какую-нибудь частную задачу на широкомъ фронтѣ маневрированія противника. Бой авангарда при оборонѣ, разъясняя обстановку лишь въ одной точкѣ, требуетъ затраты силъ, не оправдываемой столь ограниченнымъ результатомъ. Для болѣе полного раскрытія обстановки и обезпеченія готовности главныхъ силъ теперь нужны связанныя боевыя дѣйствія *на всемъ фронтѣ*, какъ бы широкъ онъ ни былъ. Это прямая задача тѣхъ развѣдывающихъ и охраняющихъ частей, которыя составляютъ на указанномъ фронтѣ такъ называемую *завѣсу*. Поэтому *бой* снѣженной передовой конницы и сторожевыхъ отрядовъ пріобрѣтаетъ при современныхъ условіяхъ выдающееся значеніе. Система мелкихъ передовыхъ боевъ замѣняетъ теперь крупные бои отдѣльныхъ авангардовъ.

Такимъ образомъ, въ цѣпи цѣлаго ряда передовыхъ дѣйствій, бой самостоятельнаго отряда трехъ родовъ войскъ не займетъ по результатамъ того виднаго мѣста, которое ему принадлежало раньше. Между тѣмъ *тактическія* невыгоды такого боя бросаются въ глаза.

Передовой отрядъ, рѣшая боемъ задачу безъ расчета на поддержку изъ главныхъ силъ (при значительномъ удаленіи авангарда маневренная поддержка его будетъ и вовсе невозможной), каждый разъ рискуетъ перейти нѣкоторую неудовимую границу; за которой отдѣльное положеніе отряда становится опаснымъ. Почувствовать въ бою этотъ переломъ — дѣло рѣдкаго искусства (Полтава, Шенардино, маньчжурскіе передовые бои).

Какъ только эта граница перейдена — общій планъ обороны начинаетъ терпѣть ущербъ. Угроза отдѣльнаго пораженія передового отряда заставляетъ старшаго начальника сдѣлать первое нарушеніе своихъ расчетовъ и идеи *активности*: онъ спѣшитъ *поддержать* авангардъ изъ главныхъ силъ, иначе — переноситъ заботу на передовую позицію; этимъ онъ играетъ въ руку наступающему; главные силы начинаютъ расходоваться для второстепенныхъ задачъ; наступаетъ нервность въ общемъ управленіи; *почина* *окажительно* *закрѣпляется* *за наступающими*.

Вотъ почему съ точки зрѣнія удержанія оборонительной активной инициативы — *уклоненіе* отъ передового боя является въ

наши дни болѣе поучительнымъ, чѣмъ даже относительно благополучное веденіе его (Башьяпуза).

Мысли, которыми объясняютъ необходимость самостоятельнаго передового боя, слѣдующія: съ одной стороны думаютъ слѣбать оборону *зрячей*, съ другой—*выиграть время*.

Однако, зрячая оборона не та, которая *все знаетъ* и имѣетъ въ карманѣ диспозицію своего противника, а та, которая *на многое рѣшается* на основаніи пониманія обстановки, хотя бы въ самыхъ грубыхъ чертахъ. Наша оборона подъ Музденомъ была слѣпой не отъ недостатка свѣдѣній о неприятелѣ, а отъ неспособности прилпть рѣшеніе, опираясь на имѣющіяся данныя. Конечная цѣль передового боя отряда трехъ родовъ войскъ, воспроизвести диспозицію неприятеля; гдѣ же остановиться на этомъ пути? Желаніе это неизбежно влечетъ за собою шатаніе руководящей мысли.

Передовой бой авангарда не только не способствуетъ властному созданію плана обороняющимся, но, наоборотъ, нарушаетъ расчеты общаго управленія: передовыя войска—часто четверть всѣхъ силъ—вырываются изъ рукъ, а «преждевременное» развертываніе наступающаго неожиданно оказывается для послѣдняго совершенно «своевременнымъ» и выгоднымъ. Въ концѣ концовъ, руководитель обороны перестаетъ вліять *на созданіе обстановки для себя* и примѣняется къ тому, что случилось. Какая вредная пассивная идея!...

Что касается *выигрыша времени*, то мнѣ хочется замѣнить это привычное выраженіе другимъ сочетаніемъ словъ: *отказъ отъ рѣшенія по тяжка рѣшенія*. Если первое—что либотрудно возразить; но это будетъ уже то, что мы называемъ отступательными, аріергардными боями. Если второе—то является сложный вопросъ: какъ провести операцію, чтобы и рѣшеніе оттянуть, и войска сохранить для рѣшенія. Нельзя закрывать глазъ на то, что система самостоятельныхъ передовыхъ боевъ для достиженія этой цѣли—путь невѣрный; выигрышь во времени, который удастся получить, можетъ оказаться и вовсе бесполезнымъ, если передовые бои вмѣсто оттяжки рѣшенія приведутъ оборону *къ отказу отъ него*.

Такимъ образомъ, чѣмъ *пассивнѣе* идея операціи, тѣмъ болѣе оживааетъ понятіе о передовомъ боѣ. Обратно, чѣмъ дѣятельнѣе оборона, *чѣмъ болѣе скрываетъ она въ себя начало наступленія*, тѣмъ рѣшительнѣе она должна отрицать упорные бои самостоятельныхъ отрядовъ за такъ называемыя «передовыя позиціи».

Совершенно другое дѣло—передовые пункты *на самой позиціи*. Занятіе ихъ основывается на тѣсной взаимной поддержкѣ—ружейной огневой и маневренной, съ остальныхъ точекъ выбраннаго рубежа, составляющихъ такъ называемую «главную» позицію. Эти пункты не могутъ не драться; и если отрѣшиться разъ навсегда отъ взгляда, что обороняется нѣкоторая *непрерывная линия*, и вѣрить въ то, что сила дѣятельной, активной обороны именно *въ оборонѣ промежутковъ*, иначе—нѣрить въ силу огня и значеніе маневра, то задача, возлагаемая на передовые пункты этого типа, должна быть поставлена еще рѣшительнѣе: они должны драться *во что бы то ни стало*, отнюдь не съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ другіе участки позиціи, находящіеся уступомъ сзади.

Если эта общность задачи будетъ твердо установлена для всѣхъ частей позиціи, то само собою исчезнетъ дѣленіе пунктовъ на «передовые» и «главные», наследіе стараго (оборона *линій*). Въ тактикѣ одинъ масштабъ имѣетъ право вліять на классификацію: боевыя задачи. Выдѣленіе «передовыхъ» пунктовъ въ особую группу впускаетъ мысль объ особой, какъ бы второстепенной, задачѣ этихъ пунктовъ. Въ результатѣ—оставленіе ихъ въ бою съ легкимъ сердцемъ, какъ говорится, «на законномъ основаніи», въ надеждѣ на «послѣдній отпоръ» съ «главной позиціи». Между тѣмъ такое оставленіе выдвинутыхъ впередъ участковъ позиціи зачастую оказывается роковымъ. Само названіе «передовой» пунктъ въ этомъ смыслѣ вредно: удерживаясь прочно въ угоду геометріи, характеризуя относительное расположеніе разныхъ точекъ позиціи, оно *отражается на выполненіи боевой задачи*, образуя какую-то второсортную оборону на позиціи.

15-го февраля 1905 г. при оборонѣ Гаотулпскаго перевала мы потеряли одинъ за другимъ четыре опорныхъ пункта къ западу отъ подъема на перевалѣ. Но геометрія самымъ «передовымъ» изъ нихъ была такъ называемый № 16, уступами сзади были: № 17, 18 и 19. При этомъ №№ 16 и 17 были построены на командующей сонкѣ.

Выходило такимъ образомъ, что тактическій ключъ всего этого участка и передовой районъ совпадали. Казалось бы, и мысли не должно было быть объ условной оборонѣ этихъ пунктовъ. Ясно, что всѣ *четыре опорныхъ пункта* составляли одно *цѣлое по задачь*, доставляя перекрестную оборону, какъ промежутковъ на самомъ массивѣ, къ западу отъ подъема, такъ и самаго этого подъема посредствомъ огневой связи съ укрѣпленнымъ райономъ къ *востоку*

отъ подъема (тоже четыре опорныхъ точки). Японцы естественно начали съ захвата выдвинутого впередъ № 16. Опорный пунктъ этотъ считался «передовымъ». Съ потерей его, какъ *только передового*, примирились относительно легко: оставалась еще «главная» позиція ¹⁾.

Теперь можно дать себѣ отчетъ—какая это была ошибка. Взятіе японцами номера 16-го было первымъ этапомъ къ дальнѣйшему распространенію на массивѣ: остальные форты были заняты въ тотъ же день безъ особыхъ жертвъ. Значеніе захвата японцами этого массива было огромно: первая наша армія, опасаясь за свой центръ, отказалась *отъ задуманнаго* и даже приводившагося уже въ исполненіе *наступленія* въ разрѣзъ между арміями Кавамуры и Куроки. Въ этомъ случаѣ тактика больно ударила по стратегіи.

Обращаясь теперь снова къ нашему уставу, посмотримъ какъ онъ судитъ о *задачахъ* передовыхъ пунктовъ на позиціи. Съ одной стороны, они *обороняются* (§ 69), но передовыми частями; съ другой (§ 96)—они занимаютъ *заблаговременно* (т. е. не такъ, «какъ главная позиція»); наконецъ, предусматривается указаніе въ диспозиціи войскамъ, занимающимъ передовые пункты, направленія, въ которомъ они должны *отходить* на главную позицію. Изъ всего этого скорѣе можно вывести заключеніе, что передовые пункты обороняются *не упорно* (передовыя части, отходъ...) Но въ редакціи ст. 69 слышится и рѣшительная воля: «*Оборонять передовые пункты позиціи*».

Въ концѣ концовъ, вопросъ остается открытымъ, а толкователю предоставляется въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣлять степень упорства, съ какою должны быть обороняемы участки позиціи, выдвинутые впередъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ уставѣ дѣятельность передовыхъ частей съ цѣлью развѣдки и выигрыша времени и бой за передовые пункты самой позиціи не раздѣлены; вполне опредѣленнаго, яснаго взгляда на способъ рѣшенія этихъ задачъ не высказано. А вѣдь въ этомъ и заключается задача полевого устава: конечно, не мертвая норма нужна, а проведеніе извѣстной тактической идеи.

Установленіе прочной тактической доктрины относительно способа веденія передовыхъ боевъ при оборонѣ настоятельно необходимо. Иначе—мы постоянно будемъ наталкиваться на смѣшеніе

основныхъ задачъ съ формами ихъ выполненія. Признаки подобнаго смѣшенія на лицо въ современной военной литературѣ. Въ одномъ изъ учебниковъ фортификаціи, вышедшемъ уже послѣ войны, мнѣ случилось напасть на доказательства важности передовыхъ позицій и пунктовъ; при этомъ авторъ приводилъ какъ примѣры—Цзиньжоу, передовыя Артурскія позиціи, Гаотулинскій опорный пунктъ № 16 и Путиловскую сопку, все это вмѣстѣ, какъ нѣчто единое, не характеризуя этихъ примѣровъ cadaго въ отдѣльности по задачамъ. Прежде всего здѣсь смѣшаны: *поле и крѣпость*.

Въ крѣпостной войнѣ бой за передовые рубежи и точки, явленіе необходимое: въ этомъ случаѣ у обороны задача узкая и вполне опредѣленная—*выиграть время*, затянуть рѣшеніе. Достигнуто это можетъ быть лучше всего посредствомъ *выигрыша пространства*. Занятіе и оборона передовыхъ позицій представляется, въ сущности, единственно возможнымъ видомъ перехода въ наступленіе гарнизона крѣпости (идея *вылазки*). Въ этомъ—активное начало крѣпостной обороны (Севастополь, Артуръ).

Понятно, что вопросъ о передовомъ боѣ въ *полевой* войнѣ не разрѣшается такъ просто, и мѣсто его въ дѣйствіяхъ полевой арміи при оборонѣ будетъ иное.

Что касается образцовъ «передовыхъ пунктовъ», приводимыхъ въ томъ же учебникѣ, то примѣръ Путиловской сопки совершенно не понятенъ. Хорошо «передовой» пунктъ, съ потерей котораго былъ бы прорванъ центръ нашего расположенія на Шахѣ! Но даромъ передовой пунктъ этотъ былъ, за избыткомъ времени, превращень въ настоящую крѣпость.

О Гаотулинскомъ опорномъ пунктѣ уже была рѣчь выше. Несомнѣнно, онъ имѣлъ ту же задачу, что и опорные пункты «главной» позиціи ¹⁾.

Ясно, твердое рѣшеніе по поводу передовыхъ боевъ при оборонѣ тѣмъ болѣе важно, что отъ него въ значительной степени зависитъ проведеніе въ жизнь идеи *активной обороны*.

Бои самостоятельныхъ отрядовъ трехъ родовъ войскъ на передовыхъ позиціяхъ безъ расчета на поддержку изъ главныхъ силъ (развѣдка, выигрышь времени) влекутъ за собою отступленіе и

¹⁾ Можно усмотрѣть подобное же ложное отношеніе къ Вересневской сопкѣ въ Цинхэченскомъ районѣ. Съ паденіемъ «передового» опорнаго пункта на этой сопкѣ, палъ горный массивъ, наиболее удобный для обороны во всемъ районѣ.

¹⁾ Путаница во взглядахъ на веденіе передовыхъ боевъ при оборонѣ можетъ привести къ потерѣ волевого чувства и бѣры при истолкованіи поучающаго и отступленія.

разстройство главнаго средства обороны—войскъ; этотъ минусъ тяжело отзывается на рѣшительности дѣйствій; чѣмъ болѣе оборона размѣняется на мелкіе самостоятельныя бои впереди главнаго рубежа, тѣмъ мельче будетъ и рѣшеніе—включительно до полнаго отказа. отъ него. Значить бои этого рода противорѣчатъ *активному* началу.

Наоборотъ, тамъ гдѣ все основано на непосредственной взаимной поддержкѣ, какъ это будетъ на «главной» позиціи, не можетъ быть и рѣчи объ *условной* оборонѣ точекъ, занимающихъ относительно выдвинутое положеніе. Бой за эти точки *обязателенъ* и притомъ бой *упорный*. И въ этомъ случаѣ «передовой бой» въ томъ смыслѣ, какъ онъ обыкновенно понимается, т. е. какъ нѣчто вспомогательное и второстепенное, долженъ быть отвергнутъ. Иначе въ оборону вносятся слѣдующія мысли: выравниваніе, стремленіе къ *линии* и боязнь промежутковъ. Все это, какъ извѣстно, не отвѣчаетъ духу живой, *активной* обороны.

Б. Герца.

